

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПАЦИЕНТАМ И ИХ РОДСТВЕННИКАМ, ВСЛЕДСТВИЕ НЕКАЧЕСТВЕННОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ СПЕЦИАЛИСТАМИ ХИРУРГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

М. А. МОИСЕЕВА¹, В. Г. ШИРИНСКИЙ²

¹ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

²ГБОУ ВПО МГМСУ им. А.И. Евдокимова Минздрава России

На сегодняшний день в современной правоприменительной практике достаточно актуальным остается вопрос компенсации морального вреда, подлежащего выплате вследствие некачественного оказания медицинской помощи пациенту и его родственникам в случае наступления смерти пациента.

Вопрос соотношения понятий качества медицинской помощи, дефекта медицинской услуги, а также факта вреда, причиненного здоровью пациента, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения, и не будет освещаться в настоящей статье.

Ключевые слова: суд, иск, оказание медицинских услуг, лечение пациентов по профилю хирургия, моральный вред.

Today in modern law enforcement practice quite relevant is the issue of compensation for moral damages to be paid as a result of poor medical care to the patient and his relatives in case of death of the patient.

The relationship between the concepts of quality of care, lack of medical services, as well as of the fact of harm caused to health of the patient, in our opinion, deserves separate consideration and will not be covered in this article.

Key words: court, lawsuit, medical services, treatment of patients according to the profile of surgery, moral hazard.

На сегодняшний день в современной правоприменительной практике достаточно актуальным остается вопрос компенсации морального вреда, подлежащего выплате вследствие некачественного оказания медицинской помощи пациенту и его родственникам в случае наступления смерти пациента.

Вопрос соотношения понятий качества медицинской помощи, дефекта медицинской услуги, а также факта вреда, причиненного здоровью пациента, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения, и не будет освещаться в статье.

Наибольшее понимание анализируемой проблемы, вызовет анализ судебной практики по вопросам оказания пациентам платных медицинских услуг с участием специалистов хирургического профиля.

Так, мировым судом судебного участка № 152 района Щукино г. Москвы по делу № 1-2/2015 от 13.02.2015г. установлено, что гражданин Г. совершил причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей [7]

Судом по указанному делу действительно были установлены факты нарушения п. 8 должностной инструкции медицинского работника и, как следствия, причинения тяжкого вреда здоровью пациента Д.

Важно отметить, что преступление, совершенное гражданином Г., являющимся на момент совершения преступления работником медицинской организации, квалифицировано по ч. 2 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), а не по ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности).

Таким образом, следствием и судом не была установлена причинно-следственная связь между причинением тяжкого вреда здоровью пациента Д. работником медицинской организации и смертью указанного пациента.

Сын пациента Д. (далее по тексту — гражданин В.) обратился в суд с иском о компенсации морального вреда, указывая, что «понес тяжкие моральные страдания в связи с причинением вреда здоровью близкого родственника, омраченного в дополнении тем обстоятельством, что пациент Д. ушел из жизни».

На стадии подачи гражданского иска гражданин В. добросовестно заблуждается в отношении причинно-следственной связи между причинением тяжкого вреда здоровью его отца и последующей его смертью.

Однако наличие причинно-следственной связи объективно опровергалось результатами судебно-медицинской экспертизы, при этом факт причинения тяжкого вреда здоровью пациенту Д., в связи с некачественным оказанием

медицинских услуг, нашел свое подтверждение. Указанные обстоятельства также нашли отражение в указанном приговоре суда.

При этом Мировым судом было установлено, что «... потерпевший в своем письменном заявлении не возражал против рассмотрения дела в порядке особого производства, гражданского иска не заявлял...».

То есть, лицо, которому непосредственно был причинен тяжкий вред здоровью — пациент Д., до момента смерти, исковых требований о компенсации морального вреда в отношении медицинской организации и/или гражданина Г. не заявлял.

В отношении причинения гражданину В. морального вреда необходимо отметить, что в исковом заявлении, рассматривавшемся Хорошевским районным судом г. Москвы, указано, что: «...Истец понес тяжелые моральные переживания в связи с причинением вреда здоровью близкого родственника, омраченного в дополнение тем обстоятельством, что пациент Д. (отец В.) умер».

Представитель медицинской организации по настоящему делу в судебное заседание явился, иск не признал, в возражениях указал, что гражданину В. не оказывались медицинские услуги по профилю хирургия, не причинялся вред здоровью, следовательно, основания для заявления требований о компенсации морального вреда у гражданина В. по заявленным основаниям отсутствуют.

Выслушав доводы сторон, Хорошевский районный суд г. Москвы вынес решение о частичном удовлетворении исковых требований гражданина В. (размер компенсации морального вреда был взыскан в меньшем размере от заявленного).

Не согласившись с решением Хорошевского районного суда г. Москвы от 17.03.2016г. по гражданскому делу № 2-1069/16, медицинская организация подала апелляционную жалобу, в которой просила отменить решение Хорошевского районного суда г. Москвы по делу полностью, принять по делу новое решение, отказав в удовлетворении заявленных гражданином В. требований в соответствии со ст. 330 ГПК РФ [3].

В обоснование правовой позиции представитель медицинской организации пояснял, что в соответствии с п. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны законы, которыми руководствовался суд. Как следовало из текста решения суда первой инстанции, в его основу положены следующие нормы материального права: ст.ст. 150, 151, 1064 ГК РФ [2]. Вместе с тем, помимо общих оснований, при разрешении вопроса о наличии оснований компенсации морального вреда, суду следовало руководствоваться ст. 1100 ГК РФ.

Указанная статья не содержит оснований, по которым компенсация морального вреда, осуществляется независимо от вины причинителя вреда в спорной ситуации.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 151 ГК РФ если гражданину причинен моральный вред действиями, посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда [1].

Однако в судебном заседании не было установлено, каким образом действия медицинской организации в отношении пациента Д. явились посягательством на нематериальные блага его сына гражданина В., а также какое именно из перечисленных в п. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальных благ было затронуто действиями медицинской организации.

Внимание Московского городского суда было обращено на тот факт, что вред жизни и здоровью гражданину В. не причинялся медицинской организацией [6].

Судом первой инстанции было установлено, что «принимая во внимание, что причинением тяжкого вреда здоровью близкого родственника само по себе является обстоятельством, нарушающим психическое благополучие родственников и членов семьи, а также неимущественное право на родственные и семейные связи, безусловно, является тяжелейшим событием в жизни, неоспоримо причинившим нравственные страдания».

Вместе с тем, в соответствии с п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010г. N 1 "О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина" [5] при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий... Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

Представитель медицинской организации указал, что позиция суда первой инстанции, о том что «причинение тяжкого вреда здоровью близкого родственника само по себе является обстоятельством неоспоримо причинившим нравственные страдания» по своей сути противоречит позиции Пленума ВС РФ о том, что «наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда».

Таким образом, судом первой инстанции не приняты во внимание разъяснения ВС РФ, данные в целях обеспечения единства судебной практики и законности о применении гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина, что является неправильным толкованием закона (ч. 3 п. 2 ст. 330 ГПК РФ).

Заслушав доводы сторон, Московский городской суд своим определением отменил решение суда первой инстанции.

Похожее дело также было рассмотрено Хорошевским районным судом г. Москвы 01.02.2017 года [8]. Гражданин Я. обратился с иском к медицинской организации о компенсации морального вреда. Основанием, по мнению истца, послужило оказание некачественных медицинских услуг пациентке Р, являющейся супругой истца.

Ранее, гражданин Я. обращался с заявлением в СК РФ. По факту обращения была проведена судебно-медицинская экспертиза. По результатам экспертизы было установлено, что причиной смерти пациентке Р. явилась обильная кровопотеря, гемморагический шок и ДВС-синдром, который развился у пациентки до хирургического вмешательства. При этом, пациентке Р. был причинен тяжкий вред здоровью, который выразился в перфорации стенки подвздошной вены вследствие катетеризации бедренной вены.

Однако прямой причинно-следственной связи между наступившей смертью и перфорацией подвздошной вены установлено не было. Основываясь на указанной формулировке СК РФ обоснованно отказал в возбуждении уголовного дела.

В рамках судебного процесса, по инициативе прокурора, была назначена дополнительная судебно-медицинская экспертиза, итогом которой явилось уточнение экспертов и дополнительное разъяснение по поставленным судом вопросам. При этом прямой причинно-следственной связи между наступившей смертью пациентки Р. и причинением тяжкого вреда ее здоровью установлено не было.

Аналогичные (приведенным выше) доводы медицинской организации суд во внимание не принял. Исковое заявление было удовлетворено. В настоящее время решение Хорошевского районного суда г. Москвы по указанному делу обжалуется медицинской организацией.

Приведем еще один пример из практики. Перовским районным судом г. Москвы был рассмотрен иск пациента А. к ООО о компенсации морального вреда вследствие некачественного оказания медицинских услуг хирургом медицинской организации.

В данном случае, экспертами было установлено, что пациенту А. был причинен вред здоровью средней тяжести, при опрокидывании криопрепаратов на последнего в процессе оказания медицинской услуги. Моральный вред с ООО был взыскан в полном объеме [9].

Разбирая совокупность сложившейся судебной практики, закрепленной в п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010г. N 1 "О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина" мы приходим к выводу, что данное положение нуждается в дополнительном обсуждении.

Как уже было сказано, в соответствии с названным Постановлением при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным

лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий... Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

Приведенное указание, однако, противоречит положению о том, что моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, закрепленному в Постановлении «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» [4].

Таким образом, при рассмотрении дел названной категории, которые достаточно широко распространены в судебной практике, суд должен будет принять во внимание сразу два Постановления Пленума ВС РФ: в соответствии с первым из них признается, что утрата родственников вызывает нравственные страдания, то есть моральный вред, подлежащий компенсации, а в соответствии с другим, возникновение такого вреда рассматривается как предположение, нуждающееся в доказывании, как и любые другие обстоятельства по делу. Это, в свою очередь, означает, например, что родителям погибшего ребенка или детям, потерявшим своих родителей, придется доказывать суду, что эта смерть стала для них трагическим событием, повлекшим тяжелые нравственные страдания, хотя подобные последствия обусловлены природой взаимоотношений родителей и детей как наиболее близких друг другу лиц.

Рассматриваемая коллизия несколько противоречит еще одному указанию, которое было сформулировано в Постановлении Пленума ВС РФ от 26.01.2010 г. N 1 относительно другого основания возникновения морального вреда: в соответствии с абз. 2 п. 32 «поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается, и установлению в данном случае подлежит лишь размер его компенсации».

Действительно, возникновение нравственных страданий во всех случаях, когда здоровью гражданина был причинен вред, сомнений не вызывает, но таким же бесспорным представляется возникновение еще более глубоких и тяжелых страданий в связи со смертью близкого, родного человека, которая является наиболее тяжелым и необратимым по своим последствиям событием. Вызванные такой утратой переживания становятся тяжелой психической травмой, затрагивающей все значимые стороны существования человека и приводящей к глубоким психическим переживаниям.

Поэтому целесообразно установить соответствующую презумпцию применительно к членам семьи умершего

гражданина, то есть к наиболее близким ему лицам, в случаях установления прямой причинно-следственной связи по результатам проведения комплексной судебно-медицинской экспертизы. В иных случаях, следует руководствоваться позицией Верховного Суда РФ, так как объективно разделить нравственные страдания, полученные родственником пациента вследствие причинения последнему вреда здоровью и наступившим фактом смерти, представляется затруднительным.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 29.12.2016.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 23.05.2016.
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс»
4. **Постановление** Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2007 № 6) // СПС «КонсультантПлюс»
5. **Постановление** Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам

вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, март, 2010

6. **Апелляционное** постановление Московского городского суда по гражданскому делу № 2-1069/16 // документ опубликован не был

7. **Решение** Хорошевского районного суда г. Москвы от 17.03.2016г. по гражданскому делу № 2-1069/16 // документ опубликован не был.

8. **Решение** Хорошевского районного суда г. Москвы от 01.02.2017г. по гражданскому делу № 02-0016/2017 // документ опубликован не был.

9. **Решение** Перовского районного суда г. Москвы от 17.11.2016г. по гражданскому делу № 02-8600/2016 // документ опубликован не был.

Сведения об авторах

Моисеева Мария Александровна – соискатель кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», электронная почта: mariamoses@mail.ru

Ширинский Владислав Геннадьевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской хирургии № 1 ГБОУ ВПО МГМСУ им. А.И.Евдокимова Минздрава России, электронная почта: vlad-liga@rambler.ru

Information about the authors

Moiseeva Maria Aleksandrovna - applicant of the of the Department of civil and entrepreneurial law of the «All-Russian State University of Justice», Moscow, e-mail: mariamoses@mail.ru

Shirinskiy Vladislav Gennad'evich - MD, Professor of Department of faculty Surgery №1 GBOU VPO MSMSU Medical University, Moscow, e-mail: vlad-liga@rambler.ru